

УДК 930.8
ББК 63.3
Ж561

Печатается по решению редакционно-издательского совета
БГПУ имени Максима Танка

Главный редактор И. Р. Чикалова

Редакционная коллегия:

Г. А. Космач, В. В. Тугай, Е. Н. Сурта, Р. А. Чикалов

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор В. А. Федосик;
доктор исторических наук, профессор В. Н. Сидорцов

Ж561 **Женщины** в истории: возможность быть увиденными:
Сб. науч. ст. / Под ред. И. Р. Чикаловой. — Мн.: БГПУ им.
Максима Танка, 2001. — с.

ISBN № 985-435-359-1

Сборник научных статей подготовлен по инициативе кафедры всеобщей истории Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка и содержит работы белорусских, российских и украинских авторов по важнейшим аспектам методологии и теории женской и гендерной истории. Предметом рассмотрения являются также социальный статус и положение женщин на различных этапах истории Беларуси, зарубежных стран эпохи античности, периода средневековья, нового и новейшего времени.

УДК 930.8
ББК 63.3

ISBN 985-435-359-1

© Коллектив авторов, 2001

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора: **ЖЕНСКАЯ И ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ НА ПОСТ-СОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ** 5

РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ИСТОРИИ

Н.Л. Пушкарева. Как женщин сделали видимыми 20

О.М. Шутова. Устная и гендерная история в свете антропологизации историографии 55

И.И. Юкина. Проблемы становления российской истории женщин . . . 73

Н.А. Чухим. Присутствие в истории: опыт методологического анализа 84

РАЗДЕЛ II. ЖЕНЩИНА И ОБЩЕСТВО В ЕВРОПЕ И СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ

О.М. Ленцевич. Женское служение в античном христианстве: монашество и мученичество 92

М.А. Буланакова. Ментальные стереотипы и образ знатной женщины в период утверждения церковного брака в средневековой Франции . 105

Е.Н. Сурта. Повитухи в период позднего средневековья в Германии: маргиналы или пограничная социальная группа? 115

М.А. Буланакова. Брак и регламентация социальной жизни женщины в стюартовском обществе. 125

О.В. Петровская. Менталитет южнославянской женщины второй половины XIX — начала XX века 132

Т.В. Королева. Феминистское движение во Франции в конце XIX — начале XX века 142

Н.В. Новикова. Суфражистки и суфражетки: идеология и политика британского феминистского движения в начале XX века. 154

А.М. Ермаков. Женская «трудовая повинность» в нацистской Германии (1933—1939 годы). 180

О.И. Чеснокова. Женский опыт ГУЛАГа в советской истории 1930—1950-х годов. 189

И.Р. Чикалова. Американки и внутренняя политика США в последней трети XX века 193

Н.А. Шведова, Е.В. Израелян. Канадки, общество и государство в 1980—1990-е годы 220

В.В. Фрольцов. Гендерный фактор в формировании внутренней и внешней политики ФРГ в 1980—1990-е годы 246

но-ленных отношений придавали куртуазии особую значимость в феодальной среде. Любовная игра рассматривалась как средство социальной идентификации. Утонченная любовь или любовь как искусство, как особая наука была атрибутом представителя высших сословий.

Куртуазия предполагала совершенно новый культурный тип отношений между полами. В системе этих отношений женщина получила возможность выйти из своего приниженого состояния [20]. Однако в контексте развития феодальных отношений статус женщины не претерпел каких-либо значительных изменений. Общекультурные негативные оценки женщины в матримониальной среде были заимствованы церковным браком и тиражировались пропагандой. Положительный женский образ, закрепившийся благодаря сакрализации брачных отношений и повышению хозяйственно-экономического статуса женщины, был необходимой идеальной конструкцией для моделирования поведения женщин. Соответственно положительные и отрицательные стереотипы в восприятии женщины способствовали как формированию, так и регламентации ее социальной активности в рамках церковного брака и феодальной системы отношений в целом.

Εἰς τὴν ἐπιπέδου τῆς ἐπιπέδου τῆς ἐπιπέδου

1. Duby G. What do we Know about Love in Twelfth-Century France? // Duby G. Love and Marriage in the Middle Ages. Polity Press and the University of Chicago, 1994. P. 34.

2. Бессмертный Ю.Л. К изучению матримониального поведения во Франции XII-XIII вв. // Одиссей: Человек в истории. М., 1989.

3. Кристина Пизанская. Книга о «Граде женском» // Пятнадцать радостей брака. М., 1991. С. 228.

4. Цит. по: Bonnie S. Anderson, Judith P. Zinsser. A History of their Own. Vol. 1. Penguin Books, 1988. P. 191-192, 280.

5. Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1989. С. 257.

6. Кристина Пизанская. Книга о «Граде женском» // Пятнадцать радостей брака. М., 1991. С. 221.

7. Цит. по: Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в средние века. М., 1991. С. 100-101.

8. Ястребицкая А.Л. Проблема взаимоотношения полов как диалогических структур средневекового общества в свете современного историографического процесса // Средние века. Вып. 57. 1994. С. 134.

9. Duby G. The Matron and the Mismatched Women // Duby G. Love and Marriage in the Middle Ages. Polity Press and the University of Chicago, 1994. P. 39.

10. См.: Лучицкая С.И. Семья крестоносца: супружеский конфликт в начале XII в. // Частная жизнь. Человек в кругу семьи. М., 1996.

11. Цит. по: Лучицкая С.И. Указ. соч. С. 146.

12. Duby G. The Matron and the Mismatched Women. P. 41.

13. Цит. по: Bonnie S. Anderson, Judith P. Zinsser. Op. cit. P. 137-138.

14. Duby G. What do we Know about Love in Twelfth-Century France? P. 27-32.

15. Блонин В.А. Любовные связи и их литературное преломление во Франции XII века // Частная жизнь. Человек в кругу семьи. М., 1996. С. 163.

16. Андрей Капеллан. О любви // Жизнеописания трубадуров. М., 1993. С. 383-401.

17. Duby G. On Courtly Love // Duby G. Love and Marriage in the Middle Ages. Polity Press and the University of Chicago, 1994. P. 62.

18. Жизнеописания трубадуров. М., 1993. С. 119-120.

19. Подробно о теории куртуазных отношений в поэтической традиции трубадуров Прованса: Фридман Р.А. «Кодекс» и «законы» куртуазного служения Даме в любовной лирике трубадуров // Уч. зап. Рязанского гос. пед. ин-та. Т. 34. Вып. 2. М., 1966; Шишмарев В.Ф. К истории любовных теорий романского средневековья // Шишмарев В.Ф. Избранные статьи: Французская литература. М., 1965. С. 191-270.

20. Дюби Ж. Куртуазная любовь и перемены в положении женщин во Франции XII в. // Одиссей: Человек в истории. М., 1990. С. 96.

Е.Н. Сурта

ПОВИТУХИ В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ГЕРМАНИИ: МАРГИНАЛЫ ИЛИ ПОГРАНИЧНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА?

Родовспоможение в течение столетий было областью преимущественно женской деятельности. До периода Нового времени практически невозможно было представить, чтобы мужчины-врачи оказывали помощь при родах. Тем не менее, уже в период средневековья институты патриархального общества путем регламентации начали оказывать влияние на сферу акушерства. Рождение рассматривалось в рамках религиозной картины мира позднего средневековья как одно из судьбоносных, экзистенциальных событий, в котором особенно тесно переплеталось божественное и человеческое. Оно было не только чисто медицинским процессом, который нуждался в умелой ремесленной поддержке, но рассматривался как божественно детерминированное событие, как акт творения, и поэтому было овеяно ореолом страха и табу.

В этой сфере между божественным и мирским началом человеческого существования стояла повитуха. Используя различные

травы, заклинания, молитвы и ритуальные действия, акушерки могли проводить легкие роды и принимать здорового ребенка или же, наоборот, они могли его проклясть и посвятить демонам или дьяволу. В те времена была широко распространена вера, что повитухи практикуют защитное и охранное колдовство [24, s. 39], призванное оберегать мать и ребенка от демонического влияния, от сглаза и другого вреда ребенку. Именно эту цель преследовали такие ритуальные действия как, например, развязывание лент у передника, чулок и обуви, равно как и отпирание замков во всем доме [15, sp. 412]. Церковные каталоги исповедей подтверждают, что эти магические ритуалы, уходящие корнями в дохристианские времена, еще достаточно часто применялись в позднее средневековье. Так, вопросы исповеди каноника-августинца, датированной 1401 г., содержали указание на то, что повитухи благословляют себя освященными травами и псалмами, кладут в детскую кроватку ножи, мечи или щенков и рисуют над порогом круги и неизвестные знаки [13, s. 39]. Об амулетных средствах, использовавшихся при уходе за новорожденным, сообщает перечень суеверий цистерцианца Рудольфа (XIII в.): «в первую ванну новорожденного, приготовление которой рассматривалось как профессиональное таинство акушерки, клалось яйцо, а ребенок осеялся соломинкой» [13, s. 30]. Как считалось, час и день рождения ребенка определяли его будущее. В обязанности повитухи входило с помощью астрологических толкований предсказать судьбу родившегося [11, sp. 1594, 13, s. 32]. В этом контексте акушерки порой обвинялись в присваивании божественных способностей [13, s. 38], что вступало в противоречие с церковным учением о божественном провидении. Магическое сознание и связанное с ним поведение рассматривалось как тяжелый грех. Труднообъяснимые события воспринимались как действия сверхъестественных сил.

Знания, магически-охранительные действия, прерывание беременности, равно как и осознанно проведенное мертворождение, должно было способствовать стигматизации акушерок, т.е. процессу их статусной деградации. Многочисленные моменты традиционного родовспоможения рассматривались как не совместимые с церковным учением и как вторжение в божественный порядок, а существовавшие теологические теории подчеркивали нечистоту родов и рожениц. «Женщины зачинают с грязью и вонью и рожают в слезах и болях» [16, s. 13f.]. В этом высказывании отражается архаическое «табуированное представление о нечистоте рожениц» [11, sp. 1595], которая, как считалось, могла передаваться женщине, занимавшейся родовспоможением. В результате как роженицы, так и акушерки, по крайней мере в плоскости коллективного бессозна-

тельного, могли вызывать отвращение [11, sp. 1595]. Подобная комбинация архаических табуированных представлений и реально практикуемой деятельности стала причиной конкретных угроз, которым были подвержены повитухи в позднее средневековье. Стремление городских и церковных властей к укреплению социальных норм, а также конкуренция университетски образованных врачей побуждали регламентировать письменно оформленными уставами деятельность акушерок и направляли рвение к преследованиям охотников на ведьм преимущественно на женщин, занимавшихся родовспоможением без санкции властей.

В исследованиях по истории родовспоможения и акушерства указывается на якобы низкое общественное положение этой медицинской профессии, «непрестижной» наряду с банщиками и цирюльниками [12, s. 89]. Однако в отличие от последних, которые в Германии в период позднего средневековья и частично в раннее Новое время причислялись к т. н. «нечистым, постыдным» профессиям и в рамках соответствующей социальной среды были подвержены маргинализации, акушерки никогда не были ни «бесправны», ни «бесчестны». Они принадлежали скорее к т. н. «пограничным социальным группам», или «группам риска», чем к собственно маргинальным слоям общества. Об этом свидетельствует тот факт, что в период позднего средневековья, особенно в XV в., повитухи образовывали общественно интегрированное, контролируемое властями специфическое профессиональное сословие, хотя и с доходами ниже среднего и зачастую низким общественным положением [12, s. 89].

Церковные статуты требовали от повитух «моральной образцовости и надежности» [12, s. 89]. До того как в XIII в. в результате внедрения христианской этики в повседневную жизнь населения появились первые ограничения со стороны церкви, женщины, занимавшиеся акушерством, практиковали самостоятельно и свободно. Под воздействием церкви при родовспоможении господствующей идеей стала забота о спасении души новорожденного ребенка. В средневековье акту крещения придавалось особое сакраментальное значение. Душа человека, который не был подвержен этому таинству, не могла попасть в рай, если речь шла даже о душе безвинного младенца [4, s. 60]. Для того, чтобы уберечь ребенка от преддверия ада, церковь путем синодальных статутот давала право и обязывала акушерок проводить в экстремальном случае срочное крещение, если поблизости не было священника. Так, синодальные статуты города Трира от 1271 г., провинциальные статуты архиепископства Майнцского от 1233 г. и епископства Регенсбургского от 1377 г. устанавливали, что священники должны давать мира-

нам-акушеркам уроки крещения [10, s.16]. Однако при этом последние несли ответственность за возможное преждевременное крещение здоровых детей [10, s. 17f.]. Находясь, таким образом, в плоскости церковно-ответственной деятельности, женщины, занимавшиеся родовспоможением, должны были выполнять и другие обязанности. На ежегодно, как правило, проводившихся церковных судах преимущественно акушерки выбирались свидетельницами церковного суда. Такой суд занимался проступками против церковных и божественных заповедей, а именно: супружескими изменами, абортными, убийствами, воровством, проституцией и близкородственными браками. В результате своей профессиональной деятельности акушерки были лучше, чем кто-либо иной, осведомлены о частной жизни прихожан и поэтому особенно подходили как свидетельницы церковного суда. Клятва одной из т.н. «мудрых женщин» из окрестностей Аахена содержала уже четкие профессиональные предписания и способ поведения, соответствующие церковным и городским уставам [10, s. 21]. «Мудрая женщина» имела право принимать внебрачных детей только после установления личности отца и была обязана показывать их священнику; крестить слабых младенцев, а также не могла ни советовать беременным женщинам запрещенные средства для аборта, ни таковые применять [10, s.21]. Контроль за абортными находился прежде всего в компетенции церкви и служил якобы спасению души новорожденного ребенка, а также обеспечивал выполнение христианских норм. Опираясь на заповедь любви к ближнему и на запрет умерщвления согласно библейским заветам, церковь сурово карала за аборты. Большинство средневековых теологов, начиная с Августина Блаженного, делали различие между еще не достигшим 40 дней бездушным зародышем и одушевленным плодом, изгнание которого расценивалось как убийство. Таким же образом церковь рассматривала использование противозачаточных средств как один из главных грехов. Применение контрацептивов считалось признаком распутной, необузданной страсти и противоречило ограничительной сексуальной морали церкви [2, s.3-26]. Католическая церковь, сделав повитух по сути «помогающими лицами инквизиции», пыталась контролировать внебрачные половые связи, нежелательную контрацепцию и отступление от «правильной» веры [9, s. 16]. При невыполнении этих обязанностей женщине, занимавшейся родовспоможением, грозил штраф, при повторном проступке ее садили на хлеб и воду и отстраняли от службы [22, s.35f.]. Как считают, свидетельницы церковного суда подорвали оказывавшееся повитухам доверие, необходимое для безопасности собственного положения [13, s. 38].

Уже с XIII в. городские власти стремились поставить под надзор сферу родовспоможения. Так, в письме городского совета Эсслингена от 1253 г. сообщалось, что в госпитале Св. Катарини под медицинским обслуживанием находились беременные женщины. А документ 1280 г. свидетельствует, что в обязанности госпиталя Св. Духа в Пфулендорфе входил шестинедельный уход за роженицами [20, s. 132f.]. В 1339 г. в госпитале города Нюрнберга было устроено первое родильное отделение [7, s. 41f.]. С конца XIV в. городские власти принимали акушеров на городскую службу. Последние обязывались за вознаграждение из городской казны помогать небогатым роженицам. Предположительно, самое раннее свидетельство об акушерке, находившейся на городской службе, происходит из Кобленца и относится к 1376 г. [1, s. 149]. В городском финансовом отчете Нюрнберга за 1381 г. мы находим договор поступления акушерки на городскую службу [19, s. 46]. Другой подобный договор, датированный XIV в., известен в Базеле, а в XV в. такие договоры зафиксированы в Эсслингене, Ульме и Франкфурте [17, s. 117-119; 14, s. 14]. Повитухи, согласно этим договорам, обязывались равным образом обслуживать бедных и богатых рожениц и получали за это, помимо фиксированного вознаграждения, часто еще и дополнительные льготы. Таким образом, они находились на городской службе и осуществляли свою деятельность профессионально по должности. Постепенно этот официальный статус закреплялся, и женщины, занимавшиеся родовспоможением, должны были приносить служебную клятву. Самая ранняя из известных клятв – это клятва кормилицы из Кобленца, датируемая началом XIV в. [10, s. 31]. Она содержала, так же как и клятва повитухи из старейшей книги клятв города Колмар (XV в.), обязательство «оказывать помощь и бедным и богатым женщинам» [23, s. 212; 3, s. 118]. В позднее средневековье в городах Германии, кроме «официально действующих» акушеров, были и те, кто не находился на городской службе и деятельность которых никак не контролировалась. Однако тенденция была такова, что число женщин, занимавшихся родовспоможением, принесших клятву и находившихся на городской службе, постоянно увеличивалось, а их обязанности регламентировались все более подробно [14, s. 14].

В позднее средневековье в Германии постановления городских советов профессионализировали сословие повитух, при этом медицина как таковая, т.е. лечебное дело, изымалось из сферы их компетенции и предоставлялось мужчинам. В этом процессе дифференциации четко проявляется субтильная маргинализация сведущих в медицине женщин, даже если об откровенном процессе стигматизации можно говорить только условно. Другими словами,

типичную маргинальную группу женщины, занимавшиеся родовспоможением, определенно не составляли. Однако в позднее средневековье, как свидетельствуют источники, очевидна стратегия дискриминации и дисквалификации этой социальной группы. В этот период города Германии с помощью регламентации медицинского попечения пытались поставить под свой контроль свободно практиковавшую медицину [22, s. 160].

С середины XV в. в рамках уставов для акушерок, которые являлись по своей сути профессиональным распорядком, эти женщины были практически полностью подчинены городскому контролю. Исполнять свое ремесло могли только те, кто выполнял предписания уставов. Старейший устав повитух, дошедший до нас, происходит из Регенсбурга и датируется 1452 г. [3, s. 6] Подобные предписания издавались в XV в. в Вюрцбурге (1480 г.), Ульме (1491 г.), Нюрнберге, Хайльбронне и Колмаре без точно установленной даты [3, s. 7]. Родовспоможение становилось, таким образом, профессией, организованной наподобие цехов.

Чаще всего уставы акушерок составлялись городскими врачами и представлялись на рассмотрение городскому совету [3, s. 106, 132]. Имея немало общего, они существенно отличались от церковных предписаний в этой области. В то время как последние обращались почти исключительно к утешению рожениц через молитвы и указания по срочному крещению, городские уставы давали точные определения в области родовспоможения. Они более походили на цеховые уставы, т.к. включали положения об образовании, контроле за деятельностью повитух и ограничении конкуренции.

Важнейшее требование, предъявлявшееся акушеркам светскими и церковными властями, предписывало оказание помощи как богатым, так и бедным женщинам, а также готовность к исполнению службы круглосуточно [21, s. 490]. Женщины, занимавшиеся родовспоможением, не должны были питать зависти друг к другу, а обоюдно помогать и замещать друг друга [3, s. 107]. Одновременно они должны были осуществлять контроль за своими коллегами и сообщать городскому совету о всякой женщине, не принесшей клятву и тайно практиковавшей в сфере родовспоможения [3, s. 124f]. Необходимой предпосылкой для кандидатки в акушерки была хорошая репутация, нравственное поведение и христианские убеждения [3, s. 122, 183]. Во многих уставах обращалось внимание на приятную внешность и тонкие руки [3, s. 122, 183]. Предпочтение отдавалось одиноким и опытным женщинам более старшего возраста. Длительность обучения составляла от 2 до 5 лет, в это время кандидатка в повитухи находилась на службе у опытной акушерки. Занятия проводились путем устных наставлений. Итоговый экзамен прини-

мали городские власти и, нередко, местное духовенство. Священник проверял христианские убеждения и знание молитвы срочного крещения, а опытные акушерки или городской врач удостоверяли уровень практических умений [3, s. 106]. После сданного экзамена приносилась клятва на уставе, имя повитухи заносилось в специальный городской список, и она приступала к выполнению своих обязанностей [3, s. 40]. Такой порядок стал формироваться во второй половине XV в. и привел к включению акушерок в упорядоченную городскую структуру. Однако сфера их деятельности не ограничивалась только родовспоможением. В их компетенции также находилось лечение женщин и детей, т.к. церковь запрещала мужчинам исследование женщин [12, s. 89]. Акушерки самостоятельно изготавливали лекарства, которые использовали при лечении болезней, осуществляли небольшие оперативные вмешательства [4, s. 223]. Благодаря своим медицинским знаниям, они составляли серьезную конкуренцию врачам-мужчинам. Поэтому составлявшиеся городскими властями при участии мужчин-врачей уставы повитух ограничивали их поле деятельности, запрещали самостоятельное изготовление лекарств [3, s. 120]. Акушерки, которые в течение столетий самостоятельно обеспечивали родовспоможение и другие области общей медицины, все более оттеснялись и в конце концов дисквалифицировались в помощниц врача. С организацией в конце XVII в. общественных родильных заведений, во главе которых стояли мужчины, этот процесс, начавшийся в позднее средневековье, был завершен [5, s. 85, 147]. Свое превосходство городские врачи закрепляли в самих уставах акушерок, положения которых все более нацеливались на вытеснение женщин, сведущих в лечении, из медицинской сферы. В конкурентной борьбе между средствами народной медицины, использовавшимися повитухами, и теоретически обоснованными методами врачей-мужчин первые должны были уступить. В итоге единственная сфера, в которой женщины были избавлены от обычного опекуна мужчин, была подчинена господствовавшим патриархальным интересам.

Что касается сельской местности, то там не было регламентаций деятельности акушерок, сравнимых с городскими уставами. Сохранилось мало документов по сельскому родовспоможению. В деревне не было госпиталей и попечения бедных, образованные врачи появлялись там редко. Сама церковь в качестве лекарства предлагала сельскому населению, как метко заметил Михелей, только освященную воду и молитвы [18, s. 83f]. В деревне медицина приобрела форму самопомощи с использованием знаний, передававшихся из поколения в поколение. Славу обладательниц особых медицинских способностей имели в дохристианской традиции т.н.

«мудрые женщины», которые являлись одновременно врачами, повитухами и предсказательницами. Это были, как правило, женщины, родившие много детей. Их способности основывались на смешении собственного и передававшегося из поколения в поколение чужого опыта практической медицины и магии. Социальный статус такой повитухи был, например, в Баварии так невысок, что даже представители «низких» профессий, например, живодееры, цирюльники, палачи, смотрели на нее свысока [6, s.113]. Незначительное вознаграждение вводило этих женщин в искушение через гадания и другую оккультную деятельность улучшить свое финансовое положение, что влекло обвинение их в колдовстве.

Причины, которые привели к регламентации родовспоможения в период позднего средневековья и раннего Нового времени, равно как и к убийству многих акушерок в процессе гонений на ведьм, могут быть сведены к 6 главным тезисам:

Во-первых, женщина, занимавшаяся родовспоможением, находилась в центре одного из магических ритуалов, который с незапамятных времен был связан с самобытными символами и традициями, религиозно возвышенными в христианских культах. Однако в позднее средневековье эти ритуалы превратились лишь в популярные элементы повседневной культуры, и легко могли ложно истолковываться церковью как суеверия, демонические заклинания и богохульство. Согласно установленным церковью в XIV-XV вв. норм народные родовые обычаи и ритуалы определились в глазах клира как богоотступническое поведение. Заклинания рассматривались как колдовство с целью вредительства, идолопоклонство и союз с дьяволом. А применение симпатических средств интерпретировалось как дьявольский акт.

Во-вторых, женщины, сведущие в родовспоможении, в большей мере, чем любая другая группа общества, обладали знаниями в сексуальной области, особенно в сфере контрацепции и прерывания беременности. Поэтому они больше других подозревались в злоупотреблении своими знаниями, в содействии нарушению или нарушению религиозных и социальных норм. Упрек во влиянии на демографические процессы в средневековье еще не поднимался.

В третьих, в иудейско-христианской теологии, как и во многих архаических религиях, роженицы считались нечистыми. И, таким образом, ежедневное общение повитух с «нечистыми» женщинами ipso facto способствовало их стигматизации. Эта ситуация соответствовала интерактивной связи между палачом и преступником, который, будучи социально отверженным и обреченным на смерть, передавал свою «нечистоту» и табуированный статус палачу.

В четвертых, легитимизированные в законах и предписаниях клятва и устав акушерок типичны для позднесредневековой социальной регламентации. Это приводило к социально-профессиональному разделению женщин, занимавшихся родовспоможением. Повитухи, включенные в сословно-профессиональную структуру, приспособились к статусу городских акушерок, подчиненных городским властям. Те же женщины, для которых по причине недостатка рабочих мест или по личным мотивам такого рода репрессивное приспособление было невозможно, не вписывались в цехово-корпоративный порядок города и вынуждены были бежать в деревню, что сопровождалось потерей стандарта знаний, доходов и социального статуса.

В пятых, женщины, занимавшиеся родовспоможением, подвергались давлению патриархального общества и конкурирующей мужской олигархии. Мужчины закрыли доступ женщинам в университеты, обеспечив лишь себе монополию на медицинские знания. Они прочно занимали все должности городских врачей и стремились экзаменовывать и контролировать деятельность повитух, а затем и самим руководить гинекологическими учреждениями. Женщин, занимавшихся родовспоможением, обвиняли в дилетантизме и недостаточных медицинских знаниях, что выглядело цинично, учитывая невозможность для них получения адекватного с мужчинами образования.

В-шестых, общие женофобные стереотипы и специфические профессиональные особенности акушерок делали их жертвами инквизиционной борьбы с ведьмами. Колдовство, первоначально рассматривавшееся церковью как языческое суеверие, затем, в период схоластики, стало трактоваться теологией как реально возможное. Всеобщий страх перед сатаной способствовал демонизации повитух, обвинению их в плотской связи с сатаной и колдовстве. В первую очередь беззащитными жертвами гонений становились женщины, самостоятельно практиковавшие как в сфере родовспоможения, так и занимавшиеся астрологией. Именно они прежде всего представляли собой находившуюся в зоне риска маргинальную группу.

Èñòí-íèèè è èòòàòàòòòà

1. Baas K. Zur Geschichte der mittelalterlichen Heilkunst im Bodenseegebiet // AKG 4, 1906.
2. Biller P.P.A. Birth Control in the West in the Thirteenth and Early Fourteenth Centuries // Past and Present, 1982.
3. Burckgard G. (Hg.). Die deutschen Hebammenordnungen von ihren ersten Anfängen bis auf die Neuzeit. T.I (Studien zur Geschichte des Hebammensens 1\1). Leipzig, 1912.